

Преподавательницы Бестужевских женских курсов как феномен российской эмансипации второй половины XIX — начала XX в.

Н. Л. Пушкарева, О. И. Секенова

Статья поступила
в редакцию
в августе 2019 г.

Пушкарева Наталья Львовна

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник, заведующая
сектором этногендерных исследований
Института этнологии и антропологии
Российской академии наук.
E-mail: pushkarev@mail.ru

Секенова Ольга Игоревна

аспирант Института этнологии и антропологии
Российской академии наук. E-mail: jkzkray@mail.ru

Адрес: 119991 Москва, Ленинский пр-т,
32а.

Аннотация. В статье рассмотрен феномен женского «вторжения» в научно-преподавательскую сферу и особенно социально-правового статуса первых российских женщин-историков, ставших преподавательницами вуза во второй половине XIX — начале XX в. Изучение их стратегий самореализации позволило воссоздать те социальные механизмы, которыми пользовались женщины в своем стремлении достичь статуса квалифицированного научного работника и преподавателя в высшем учебном заведении. Анализируя нормативно-правовые акты, регулировавшие положение вузовских преподавателей в Российской империи, протоколы заседаний преподавательского состава Высших женских

курсов в столице, неопубликованные мемуарные источники, авторы реконструируют истоки и механизмы преодоления гендерных стереотипов, небывший путь к допуску женщин-историков к преподаванию и освоению ими азов преподавательского мастерства, своеобразие женского стиля профессиональной деятельности на Высших женских курсах, правовые и социальные нормы, которые им пришлось изменить для обеспечения равного с коллегами-мужчинами преподавательского статуса. В статье впервые проводится анализ правоприменительной практики по трудоустройству преподавательниц историко-филологического отделения Высших (Бестужевских) женских курсов. Впервые представлены и экономические аспекты преподавательской деятельности женщин, формы их взаимодействия с руководством курсов и другими преподавателями историко-филологического отделения в целом.

Ключевые слова: женщины-историки, Высшие женские курсы, правовое положение, эмансипация, гендерная история, история женской повседневности.

DOI: 10.17323/1814-9545-2020-1-302-316

Подготовлено
по программе НИР
ИЭА РАН и проекту
РФФИ 19-09-00191.

1 ноября 1872 г. в Москве, в доме № 18 на Волхонке, в здании Первой мужской гимназии, состоялось торжественное открытие Московских высших женских курсов. В дальнейшем их главный аудиторный корпус был размещен на Малой Пироговской (ныне там МПГУ), и именно в тех стенах была реализована надежда множества жительниц столицы на получение высшего образования, предоставившего им (пусть не сразу, а лишь в 1910-е годы) доступ к профессиональной преподавательской и исследовательской деятельности. На протяжении десятилетия аналогичные женские курсы были открыты следом в Казани, Киеве и, конечно же, в Санкт-Петербурге. Во всех этих городах и вузах сразу же открывалось словесно-историческое (или историко-филологическое) отделение. Кроме удовлетворения интереса русских женщин к исторической науке, отмеченного современниками еще во времена публичных лекций Т. Н. Грановского 1843 г.¹, открывшиеся курсы дали женщинам возможность освоить новую профессию — университетского преподавателя и квалифицированного научного работника. Содержание и методы преподавания исторических дисциплин на Высших (Бестужевских) женских курсах проанализированы О. Б. Вахромеевой [2018] и О. А. Вальковой [2019], впервые поставившими вопрос о неравенстве статусов женщин-ученых и их коллег-мужчин. Личные судьбы некоторых преподавательниц были описаны в небольших статьях [Люблинская, 1941; Тихонов, Семенова, 2004; Вербловская, 2006]. Справедливо указывая на сложности, встававшие на пути исследовательниц, перечисленные авторы не касались тех пробелов в праве, которые мешали женщинам строить профессиональную карьеру. Анализ подобных норм может позволить понять, какие именно препятствия приходилось преодолевать первым женщинам-историкам и этнографам. Как именно формулировались запреты? Были они писаными или негласно подразумевались и зиждились на общих социально-этических нормах, не допускавших активности женщин вне семьи и дома?

Обращение к этой теме, равно как к теме взаимодействий первых женщин-историков с коллегами-мужчинами, предполагает изучение социально-правовых механизмов вхождения женщин в профессорско-преподавательскую корпорацию (а это уже путь к пониманию особенностей женской эмансипации в России). Антрополог, применяющий методы гендерной экспертизы, заинтересован в реконструкции профессиональных и личных стратегий самореализации женщин в условиях патриархатного гендерного контракта (типичного для отечественной истори-

---

¹ Герцен А. И. (1955) Дневник 1842–1845 // Герцен А. И. Сочинения: в 9 т. Т. 9. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 134.

ческой науки второй половины XIX — начала XX в.) для уяснения путей его трансформаций или ломки.

**Выпускницы,
ставшие преподавателями**

За все время существования Высших женских курсов (ВЖК) в Санкт-Петербурге исторические дисциплины там преподавали всего четыре десятка профессоров, из которых 32 были мужчинами. Имена 9 женщин-преподавательниц ныне полузабыты, но они принадлежали к числу известнейших историков своего времени. С. А. Протасова преподавала античную историю, блестящий курс был подготовлен О. А. Добиаш-Рождественской (по средневековой истории и палеографии), А. М. Петрункевич также была медиевисткой и читала курс по истории раннего Нового времени, как и Н. С. Враская (Боткина). О русской истории XVIII в. рассказывала Е. Н. Щепкина, а О. Е. Корнилович и М. А. Островская преподавали историю отечественного прошлого более позднего времени. Лекции по восточнославянской истории и этнографии, подготовленные А. Я. Ефименко, вызывали восторг слушательниц из юго-западных губерний страны, а на лекции А. А. Константиновой по истории искусств собирались и вольные слушательницы, приходившие на курсы просто для расширения кругозора. Все эти преподавательницы, кроме А. Я. Ефименко, были и сами выпускницами Высших женских курсов. В качестве ассистентов у них работали девушки, увлеченные историей (некоторые из позже сами стали профессорами и докторами наук): М. М. Дабижа, С. Ф. Анберг (Загряцкова), Ж. А. Вирениус (Мацулевич), С. М. Данини, О. К. Самарина (Недзведская), Н. И. Симонова [Вахромеева, 2018. С. 353–448]. Всего на Бестужевских курсах преподавали около сотни женщин, не менее 45 работали ассистентками, помогая профессорам в составлении отчетов, учебных пособий, обрабатывая тексты лекций для печати, решая иные технические вопросы. О преподавании женщин-историков на московских Высших женских курсах и женских курсах в других городах данных пока нет.

Вероятно, первой женщиной, поступившей на санкт-петербургские Высшие (Бестужевские) женские курсы на должность преподавателя наук о прошлом, была помощница профессора-византиста В. Г. Васильевского некая «Дабижа» (о ее работе на курсах в своих воспоминаниях пишет преподавательница историко-филологического отделения Высших женских курсов Е. Н. Щепкина)². Очевидно, речь идет об окончившей Бестужевские курсы в 1882 г. княжне Марии Михайловне Дабиже (урожденной Джексон)³. Она была замужем за А. М. Дабижей,

² РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 6 об.

³ Ветвеницкая Н. А. (1903) Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах. 1882–1889 гг., 1893–1903 гг. С. 2.

дипломатом, долгие месяцы проводившим в командировках⁴. М. М. Дабижа во время обучения на курсах также работала в качестве ассистента профессора Васильевского. «Превосходно составлявшая и издававшая его лекции, она проявляла своего рода творчество в этом деле»⁵. По мнению Е. Н. Щепкиной, «ясное точное изложение, щедрое на подробности, на указания документов и литературы» в напечатанном курсе лекций по истории средних веков профессора В. Г. Васильевского было в первую очередь заслугой его ученицы [Васильевский, 2008]. Мария Михайловна не смогла продолжить научную карьеру из-за ранней смерти от диабета в 1884 г.

Гораздо более долгую и успешную профессиональную карьеру сделала известная выпускница и первая преподавательница историко-филологического отделения Высших женских курсов в столице Е. Н. Щепкина (1854–1938). Она была одной из самых заметных активисток женского движения в России, членом Петербургского отделения Союза равноправности женщин, членом Центрального бюро Союза равноправности женщин от Петербурга, позже — активной участницей Российской лиги равноправия женщин, где она возглавляла комиссию по пропаганде [Пушкарева, Пушкарева, 2020]. В 1880-е годы она одной из первых прошла обучение на историко-филологических отделениях московских (Герье) и Санкт-Петербургских (Бестужевских) ВЖК, после этого год изучала историю в Сорбонне. Профессор Бертен, читавший курс об исторических мемуарах начала XVIII в., настолько впечатлил ее, что девушка тут же решила подготовить аналогичный курс по русским источникам и читать его на историко-филологическом отделении ВЖК в столице. Главным препятствием для нее была неуверенность в собственных силах. «Допустят ли меня выступить на курсах? Имелись ли прецеденты такой дерзости?» — пишет она в воспоминаниях⁶. В этот период при математическом факультете с курсистками уже работали В. И. Шифф и его ассистентка А. Е. Сердобинская. Огромная радость охватила Е. Н. Щепкину, осмелившуюся написать о своем желании преподавать самому основателю курсов К. Н. Бестужеву-Рюмину, когда он ответил: «Приезжайте, выступайте самостоятельно, так и следует»⁷. Молодая преподавательница остро нуждалась в консультациях и помощи, но о поддержке у своих

**«Женщина
на кафедре —
явление
любопытное»**

---

⁴ Родословие князей Дабижа (Котроманичей Боснийских) // Бордато Э., Талалай М. Г. Под чуждым небосводом. СПб.: Алетейя, 2009. С. 131–135; РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 6 об.

⁵ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 6 об.

⁶ Там же. Л. 37.

⁷ Там же. Л. 37 об.

учителей просить не решалась: «Одиночество, отсутствие добрых советов, а я не иду к людям поискать подходящих». Новость о том, что женщина будет вести курс на историко-филологическом отделении, взволновала петербургскую общественность. «Женщина на кафедре — явление любопытное и до некоторой степени важное в общественности, и слух обо мне быстро получил распространение», — записала позже Е. Н. Щепкина в своих воспоминаниях⁸.

Молодые историки Петербурга были готовы общаться и взаимодействовать с женщиной-историком, приглашали ее на сборы Приютинского братства — объединения выпускников Санкт-Петербургского университета, в которое, в частности, входил медиевист, специалист по истории Римской империи И. М. Гревс [Еремеева, 2007]). Е. Н. Щепкина, смущаясь, читала приглашения — и... не решалась пойти, о чем впоследствии сильно сожалела⁹.

Отдельной проблемой стали для Е. Н. Щепкиной отношения с возглавлявшим кафедру русской истории на курсах¹⁰ С. Ф. Платоновым. Позже она признавалась, что все время стеснялась уточнить у него как у непосредственного начальника свое правовое положение как преподавательницы. С. Ф. Платонов, в отличие от К. Н. Бестужева-Рюмина, достаточно сдержанно отнесся к «женщине на кафедре» и не спешил воспринимать Е. Н. Щепкину как равноправного коллегу. Формальных запретов на допуск женщин к преподаванию не существовало, но... женщин на такую работу никогда не брали, так что Е. Н. Щепкина до последнего оставалась в неведении относительно своего правового статуса на курсах. Велика была радость 29-летней преподавательницы, когда ее все же уведомили, что она может начать чтение лекций с 12 октября 1885 г. Разрабатывая программу, Е. Н. Щепкина стремилась показать эвристический потенциал писем, дневников, мемуаров XVIII в. и через их анализ «раскрыть картину внутреннего развития общества»¹¹.

Позже в мемуарах она подробно описала, как нервничала перед первым своим лекционным выступлением: «Тяжело вспомнить сутки 11-го <октября 1885 г. >. Купила 3 бутылки какого-то русского виноградного и понемногу подкреплялась днем и ночью. Содержание набросала карандашом на листках, усердно и внимательно мысленно изложила все, по памяти наметила

⁸ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 58.

⁹ Там же.

¹⁰ Вероятно, в начале работы курсов эта должность носила неофициальный характер, так как о том, что С. Ф. Платонов возглавлял кафедру, есть информация только в воспоминаниях Е. Н. Щепкиной: [Там же].

¹¹ Там же. Л. 38.

только общие выводы — сами скажутся по ходу дела»¹². На первую лекцию преподавательницы пришли не только слушательницы, но и многие профессора и даже бывший инспектор учебного округа. Первая и последующие лекции удались, курсистки слушали с интересом и обсуждали после лекций поднятые исторические проблемы, интересовались отношением преподавательницы к остро стоявшему в тот период «женскому вопросу», спрашивали даже, почему она не вышла замуж¹³. Анализируя те дни, преподавательница сокрушалась, что сильно чувствовала тогда недостаток общения, советов и помощи. К. Н. Бестужев-Рюмин не стал брать на себя роль наставника молодой коллеги, ограничившись приглашениями на свои «вторники». Чувствуя такую холодность, Е. Н. Щепкина писала, что задумалась тогда о переезде в Москву, надеясь на советы и поддержку там В. И. Герье и В. О. Ключевского.

Выученная беспомощность как следствие воспитания властной матерью¹⁴ имела следствием страхи, что в Москве ее и во все могут не взять преподавать на курсы: «...меня отталкивала Москва. По отношению к женщинам чувствовалось какое-то византийство»¹⁵. Незамужняя 30-летняя женщина мечтала иметь опору в лице научного руководителя, при этом она все время недооценивала себя, резюмируя: «Что я? Репетитор на все руки»¹⁶. Сомнения в выбранном пути все время тогда терзали ее. Стеснительность и «конфузливый характер» не позволяли Е. Н. Щепкиной обращаться к коллегам-мужчинам, принимать от них помощь, в частности от приват-доцента Петербургского университета Е. Ф. Шмурло, который как раз сочувствовал ей и был готов подставить плечо.

В те годы подверженная постоянным сомнениям, Е. Н. Щепкина находила повод для переживаний и в том, что была неплохо обеспечена отцом и, работая на курсах, занимала место тех, кто был лишен финансовой поддержки и вынужден был зарабатывать на жизнь самостоятельно¹⁷. Именно поэтому с 1890-х годов она стала реализовывать себя не столько как историк или просто преподавательница, впрочем, опубликовавшая несколько уникальных научных трудов [Щепкина, 1914], а как организатор образования петербургских рабочих при поддержке Императорского русского технического общества¹⁸. На почве

---

¹² Там же. Л. 58 об.

¹³ Там же. Л. 59 об.

¹⁴ РГАЛИ. Оп. 2. Д. 3. Л. 61–63.

¹⁵ РГАЛИ. Оп. 1. Д. 131. Л. 61.

¹⁶ Там же. Л. 62 об.

¹⁷ РГАЛИ. Оп. 2. Д. 3. Л. 102 об.

¹⁸ Там же. Д. 16.

общественно-политической деятельности в 1905–1917 гг. она действительно преуспела и стала одной из виднейших ее фигур.

«Усовершенствование в изучении» и профессиональный рост

Пример Е. Н. Щепкиной показывает, что петербургская преподавательская корпорация, представленная либеральными историками, в целом не возражала против включения женщин в свои ряды и такого рода эмансипации. В начале XX в. на Санкт-Петербургских Высших женских курсах было принято решение ежегодно оставлять после завершения обучения от одной до трех курсисток «для усовершенствования в изучении» какой-либо узкой специальности¹⁹. В протоколах заседаний историко-филологического отделения²⁰ используется именно эта формулировка, калька с «оставления при университете для приготовления к профессорскому званию» в университетах — процедуры, аналогичной поступлению в аспирантуру²¹. Тем не менее о каких-либо экзаменационных процедурах, удостоверяющих полученные ими навыки научной и преподавательской работы, речи не шло²².

Отсутствие в формулировке понятия «профессорское звание» было связано с теоретической невозможностью получения его для бывших курсисток, но на практике некоторые женщины обходили бюрократические препоны [Пушкарева, 2012. С. 246]. Так, в декабре 1908 г. на должность, предполагавшую ведение практических занятий и организацию музея искусств и древностей при Бестужевских ВЖК, баллотировалась А. А. Константинова. Ее кандидатура была принята советом факультета²³, но впоследствии «возникли сомнения» и коллеги-мужчины стали оспаривать ее право преподавать²⁴.

¹⁹ ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 2.

²⁰ Протоколы заседаний историко-филологического факультета (Санкт-Петербургских высших женских курсов) за 1908–1919 гг. // Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 113. Оп. 5. Д. 16.

²¹ Сорокин П. А. (1991) Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас. С. 68.

²² Прецедент получения допуска к преподавательской деятельности существовал в Российской империи еще с конца XVIII в.: 18 мая 1780 г. С. Я. Румовский передал письмо Марианны Фагод-Порус, урожденной Ариоль, адресованное академической комиссии, с просьбой проэкзаменовать ее по английскому и французскому языкам, истории, географии и минералогии и т. д. В Указе об учреждении Академии наук и художеств и в Регламенте Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге не оговаривалось испытание дам; Румовский запросил мнения академиков, и те решили, что женщины, занимающиеся воспитанием юношества, должны, как и мужчины, выдерживать соответствующий экзамен и получать аттестаты [Невская, 2000. С. 669].

²³ ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 13.

²⁴ Там же. Л. 22.

Сомнения разрешились после вмешательства декана, который, ссылаясь на некий проект устава о приват-доцентах, заявил, что «совет может приглашать временно для чтения необязательных курсов лиц и не имеющих ученых степеней и не удовлетворяющих условиям обычного преподавательского ценза»²⁵. Эта правовая норма была менее жесткой, чем обычные условия преподавательского ценза, закрепленные ст. 109 Университетского устава 1884 г. (основного нормативно-правового акта, регулировавшего деятельность высших учебных заведений той эпохи). Статья устава гласит: «Приват-доцентами могут быть лица, имеющие ученые степени, профессора других высших учебных заведений, а также лица, приобретшие известность своими научными трудами после пробного чтения с разрешения Министерства народного просвещения, и лица, выдержавшие испытание на степень магистра, но еще не защитившие диссертации, по получении от одного из университетов свидетельства на звание приват-доцента»²⁶.

Иными словами, частные нормативно-правовые акты Бестужевских курсов были призваны облегчать прием молодых преподавателей обоего пола, поскольку не было формального запрета именно для женщин. Хотя, конечно, получение магистерской степени женщинами в России поначалу было невозможно, а позже затруднено. Важными для исследователя являются и слова о праве преподавать «по получении от одного из университетов свидетельства на звание приват-доцента». Именно за такими университетскими подтверждениями выпускницы, оставленные при ВЖК (будущие преподавательницы) отправлялись за рубеж. Любопытно, что для таких поездок предоставлялась стипендия от министерства, курсов или от неких неизвестных частных лиц. Когда в 1911 г. Министерство народного просвещения отказало в выдаче стипендий курсисткам на заграничные поездки, преподаватель Бестужевских ВЖК историк М. И. Ростовцев просил совет факультета разрешить все же курсистке С. В. Меликовой продолжить обучение в Берлине, «предоставив ей сумму в 600 рублей, переданную факультету через него неизвестным лицом»²⁷.

Кроме безусловно важной и необходимой для специалистов в области античности или медиевистики работы с зарубежными источниками женщины-историки имели возможность получить за рубежом научную степень. Так, А. А. Константинова стала доктором в Цюрихском университете, а О. А. Добиаш-Рождествен-

---

²⁵ Там же.

²⁶ Общие уставы императорских российских университетов 1863 и 1884 гг. Одесса: Типография Акционерного Южно-русского общества печатного дела, 1901. С. 64.

²⁷ ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 94.

ская — в Сорбонне. Полученная за рубежом степень имела очень важное в глазах Министерства народного просвещения значение: теоретически становилось возможным получение звания приват-доцента на основании свидетельства из другого университета [Пискунов, 2014. С. 116], облегчалось трудоустройство на курсах (хотя официально зарубежные степени в России, как и сейчас, не признавались и, скажем, О. А. Добиаш-Рождественская заново защищалась на степень магистра всеобщей истории в Петроградском университете в 1915 г. [Косминский, 1945. С. 43]).

Позиция руководства факультета, как и позиция Министерства народного просвещения, не отличалась последовательностью. В 1911 г. на курсы безуспешно пыталась устроиться преподавателем сдавшая магистерские экзамены, но еще не защитившая магистерскую диссертацию М. А. Островская. Пробные лекции, необходимые для получения ученого звания приват-доцента, она готова была читать безвозмездно, но в Протоколах ученого совета факультета зафиксирован отказ в ее просьбе: «Отклонено ввиду принципиальных неудобств такого способа расширения преподавания по основным научным дисциплинам»²⁸. Причина крылась в личном противодействии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, который высказался против попытки М. А. Островской стать приват-доцентом [Тихонов, Семенова, 2004. С. 13].

**«Женщины могут
приобретать
от университетов
ученые степени»**

Ситуацию изменил закон от 19 декабря 1911 г., по которому женщины «выдержавшие успешно испытание в знании университетского курса» смогли, наконец, «приобретать от университетов ученые степени магистра и доктора». Это был важнейший шаг в эмансипации женщин России от старых запретов. «Дипломы на степени магистра и доктора, — говорилось в документе, — выдаются по правилам, определенным в Уставах университетов для лиц мужского пола и с присвоением прав, представленных сим званием на ученую и учебную деятельность, а также и на службу в учебных заведениях, согласно Уставам сих последних»²⁹. Разработка такого законопроекта стала возможной только после назначения министром народного просвещения Л. А. Кассо: предыдущий министр, ставленник П. А. Столыпина А. Н. Шварц, принципиально выступал против совместного обу-

²⁸ ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 91.

²⁹ Закон 19 декабря 1911 года и правила об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 31. 1911. № 36226. Санкт-Петербург, 1914. С. 1299–1300.

чения мужчин и женщин и наличия женщин в числе преподавателей³⁰. В соответствии с новым законом после сложной и требовавшей широкого резонанса в академической среде защиты магистерской диссертации в Петербургском университете оказалось возможным стать преподавателем; М. А. Островская им стала.

Закон распахнул для преподавательниц и двери ученых советов. На заседаниях совета историко-филологического факультета стала активно выступать О. А. Добиаш-Рождественская, любимая ученица профессора И. М. Гревса. В ноябре 1912 г. вместе с Л. В. Щербой она внесла предложение ограничить число профессорских кафедр³¹. Смысл этого предложения впоследствии объяснила в своем дневнике жена С. Ф. Платонова Н. Н. Платонова: с помощью своей ученицы И. М. Гревс пытался помешать получению профессорского звания М. В. Клочковым, «которого не выносил»³². Н. Н. Платонова была возмущена тем, что через несколько лет И. М. Гревс сам предложил отменить это правило, чтобы профессорское звание как раз смогла получить его любимица (О. А. Добиаш-Рождественская)³³. Таким образом, едва попав в число членов ученых советов, женщины тут же включились в научные интриги и борьбу между академическими группировками. Не последнюю роль в вовлечении их в подковерную возню сыграл влиятельный мужчина: большинство женщин-историков на ВЖК стали преподавательницами по протекции И. М. Гревса (О. А. Добиаш-Рождественская, Н. С. Враская, А. А. Константинова, А. М. Петрункевич); они стали сразу же и навсегда его верной опорой.

Несомненно, известность в академической среде и значительные профессиональные успехи облегчали женщинам получение профессорского звания и продвижение на курсах. Когда в 1910 г. Харьковский университет присвоил звание *honoris causa* этнографу, исследовательнице истории Украины А. Я. Ефименко (Ставрович), это было отмечено и в столице, ведь она с 1907 г. преподавала «бестужевкам»³⁴. Присвоение звания было приурочено к сорокалетию творческой деятельности историка. Несмотря на его символический характер, звание помогло С. Ф. Платонову при поддержке факультета «возвести ее в за-

---

³⁰ Шварц А. Н. (1994) Моя переписка со Столыпиным; Мои воспоминания о Государе. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина.

³¹ ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 114.

³² Цит. по: Свешников А. В. (2009) Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. № 96. С. 42–72.

³³ Там же. С. 57.

³⁴ Платонов С. Ф. (1920) Александра Яковлевна Ефименко: Некролог // Дела и дни. Кн. 1. С. 618.

ние профессоров курсов»³⁵ [Козлова, 2008]. О возражениях со стороны Министерства народного просвещения нет данных, хотя А. Я. Ефименко формально не должна была его получить, поскольку не имела профессионального исторического образования. Кроме статуса получение ученого звания означало повышение заработной платы, что было для этой преподавательницы существенно: она находилась в стесненном материальном положении, многочисленная семья жила только на ее заработки и гонорары [Ясь, 2018. С. 176]. После получения звания профессора А. Я. Ефименко, единственная из женщин-преподавательниц, получала жалование 300 руб. в месяц. Остальные женщины зарабатывали наравне с мужчинами-преподавателями, не имевшими профессорского звания, т. е. 200 руб. Загруженность была небольшой: 1 час занятий в неделю, но случалось, что преподавательницы вели занятия до 6 часов в неделю³⁶. При средней профессорской зарплате в 275 руб. в месяц [Шипилов, 2003. С. 38] (по другим оценкам — 250–400 руб. и более в месяц [Кудинов, 2015. С. 84]) и при средней заработной плате учительницы в средних учебных заведениях около 900 руб. в год [Лейкина-Свирская, 1981. С. 62] жалование преподавательниц Бестужевских ВЖК было уникально высоким для женщин-служащих в Российской империи. И если мужчины, как правило, ограничивались преподаванием и выполнением административной работы на высоких должностях (декан получал 1200 руб. в год), женщины на курсах спешили занять вдобавок к преподаванию вспомогательные должности (заведующей семинарской библиотекой, ее помощницы, заведующей музеем искусств и древностей и т. п.).

Таким образом, опираясь на нормативно-правовые акты, регулировавшие получение женщинами образования и их профессиональную деятельность 1870–1910-е годы, тексты протоколов заседаний совета историко-филологического факультета Санкт-петербургских Высших женских курсов (хранятся в ЦГИА СПб) и источники личного происхождения (особенно неопубликованные воспоминания Е. Н. Щепкиной), мы проследили один из вариантов вхождения женщин в профессорско-преподавательскую среду в эпоху ранней женской эмансипации. Обращение к перечисленным источникам показало, что общего «протокола» решения вопроса о допуске женщин к преподаванию не существовало, как не было и формального запрета. Руководство Высших женских курсов склонно было решать вопрос в каждом конкретном случае индивидуально, стараясь принять во внимание противоречивый правовой и общественный статус женщин,

³⁵ ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 58.

³⁶ ЦГИА. Ф. 113. Оп. 5. Д. 16. Л. 45–46; 160–162.

получивших высшее образование в России или за рубежом, настроения в Министерстве народного просвещения и в стране в целом. Крайне скупые сообщения о том, как могли складываться личные отношения таких преподавательниц в мужском коллективе, дают пищу к размышлениям о влиянии воспитания и бытовавших в обществе стереотипов, их контаминации с новыми эгалитарными тенденциями. Каждый отдельный случай был каплей, которая точила камень правовых установлений Российской империи, изначально не допускавших для женщин возможности трудиться в качестве преподавательниц высших учебных заведений.

Правовое положение преподавательниц истории на ВЖК было крайне неустойчивым: до 1911 г. не существовало нормативно-правовых актов, которые бы регулировали их профессиональную деятельность, следовательно, в каждом конкретном случае руководство факультета выбирало новую линию поведения, не всегда помогало женщинам в подготовке и получении ученых званий, не способствовало их трудоустройству, при необходимости подтверждая свое решение новым подзаконным правовым актом [Пушкарева, 2012. С. 113]. Но исключения случались и становились тем чаще, чем более профессиональными становились те, кто искал места работы на курсах. Либерально-ориентированная мужская профессорская корпорация все чаще поддерживала стремление женщин к преподавательской работе и профессиональному росту, помогала целеустремленным девушкам (положительные рекомендации при трудоустройстве, средства для заграничных командировок, материальная поддержка в сложных семейных ситуациях). Как и во все времена, трудоустройство женщин-преподавательниц историко-филологического факультета могло зависеть и от личных симпатий профессоров к наиболее талантливым и коммуникабельным ученицам. Не только социально-политическая активность женщин в эпоху российской эмансипации, не только женское движение, подталкивавшее женщин к поиску себя вне узких рамок домашнего и семейного быта, но и простое человеческое участие мужчин-преподавателей в судьбах их учениц помогало женщинам-историкам начала XX в. выходить за рамки архивной и кабинетной работы и получать опыт преподавания исторических дисциплин в высшем учебном заведении.

1. Валькова О. В. (2019) Штурмуя цитадель науки. Женщины-ученые Российской империи. М.: Новое литературное обозрение.
2. Васильевский В. Г. (2008) Лекции по истории Средних веков. СПб.: Алетейя.
3. Вахромеева О. Б. (2018) Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). М.: Политическая энциклопедия.

Литература

4. Вербловская М. Б. (2006) Судьба четырех «бестужевок» // Публичная библиотека и культура. Три века истории: документы, материалы, исследования. СПб.: Российская национальная библиотека. Вып. 1. С. 136–154.
5. Еремеева С. А. (2007) Приютинское братство как феномен интеллектуальной культуры России последней трети XIX — первой половины XX в.: автореф. дис. ... канд. культурологии. М.: РГГУ.
6. Козлова Л. А. (2008) «Без защиты диссертации». Статусная организация общественных наук в СССР // Овчаренко В. И (ред.) Большеви́стская философия. Т. 2. <https://sites.google.com/site/bolshevistphilosophy/Home/tom-2/soderzanie/kozlova2>
7. Косминский Е. А. (1945) Изучение истории западного средневековья // Вестник АН СССР. № 10. С. 43–60.
8. Кудинов О. А. (2014) Зарплата профессоров дореволюционной России (к обсуждению концепции Кодекса Российской Федерации об образовании) // Экономика образования. № 4. С. 84–85.
9. Лейкина-Свирская В. Р. (1981) Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М.: Мысль.
10. Люблинская А. Д. (1941) О. А. Добиаш-Рождественская как ученый // Ученые записки Ленинградского университета. Сер. ист. наук. Вып. 12. С. 10–26.
11. Невская Н. И. (ред.) (2000) Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб.: Наука.
12. Пискунов И. В. (2014) Правовое положение приват-доцентов российских университетов. 1803–1884 // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской православной церкви. Вып. 4 (59). С. 98–116.
13. Пушкарева Н. Л. (2012) Еще раз об огне мыслей и звуках голосов первых русских женщин-историков // А. В. Белова (ред.) Личное есть историческое. Тверь: Тверской государственный университет. С. 109–113.
14. Пушкарева Н. Л. (2012) Женщины-историки в России. 1800–1917 // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (18). С. 228–246.
15. Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л. (2020) Политическая составляющая в российском женском движении начала XX в. // Женщина в российском обществе (в печати).
16. Тихонов И. Л., Семенова Е. С. (2004) Первая женщина — преподаватель Санкт-Петербургского университета // Санкт-Петербургский университет. № 6 (5 марта). С. 11–14.
17. Шипилов А. В. (2003) Зарплата российского профессора в его настоящем, прошлом, будущем // Alma mater. Вестник высшей школы. № 4. С. 33–42.
18. Щепкина Е. (1914) Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. СПб.: Типография Б. М. Вольфа.
19. Ясь О. (2018) Вступна стаття до розвідки О. Єфименко «Письма из хутора. Об украинской истории» (До 170-річчя О. Єфименко та 100-ліття першої публікації її допису) // Український історичний журнал. № 1. С. 174–179.

Female Lecturers at the Faculty of History and Philology of the Bestuzhev Women's Higher Education Courses as a Manifestation of Russian Emancipation of the Second Half of the 19th—Early 20th Century

Natalya Pushkareva

Authors

Doctor of Sciences in History, Professor, Leading Researcher, Head of the Ethnogender Department, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. E-mail: pushkarev@mail.ru

Olga Sekenova

Graduate Student, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. E-mail: jkzkray@mail.ru

Address: 32a Leninsky Ave, 119991 Moscow, Russian Federation.

The article describes the phenomenon of female “intrusion” into academia, particularly the social and legal status of the first female historians in Russia who became university lecturers. Analysis of the self-fulfillment strategies that Russian female historians pursued in the second half of the 19th—early 20th century allows to reconstruct the social mechanisms that they used in their zeal to achieve the status of highly-qualified scholars and lecturers at universities. Regulatory documents defining the status of faculty in the Russian Empire, as well as Bestuzhev Courses faculty meeting reports and unpublished memoirs are analyzed to reconstruct the sources and mechanisms of overcoming gender stereotypes, the long way that female historians had to go to be allowed to teach and study the science of teaching, the innovations that they brought to the Bestuzhev Courses teaching practices, the specific aspects of their approach to teaching, and the legal and social norms they had to change to secure themselves a faculty status equal to that of male academics. This article is the first publication analyzing the regulatory enforcement of placing the graduates from the Faculty of History and Philology of the Bestuzhev Courses into jobs. It also addresses for the first time the economic aspects of female teaching and the ways in which female lecturers interacted with course administrators and other faculty staff.

Abstract

female historians, women's higher education courses, legal status, emancipation, gender history, women's history.

Keywords

Eremeeva S. (2007) Priyutinskoe bratstvo kak fenomen intellektualnoy kultury Rossii posledney treti XIX—pervoy poloviny XX v. [Priyutino Brotherhood as a Manifestation of Russian Intellectual Culture of the Last Third of the 19th—First Half of the 20th Century]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

References

Kosminsky E. (1945) Izuchenie istorii zapadnogo srednevekovya [Studying the History of Western Medieval Civilization]. *Vestnik AN SSSR*, no 10, pp. 43–60.

Kozlova L. (2008) “Bez zashchity dissertatsii”. Statusnaya organizatsiya obshchestvennykh nauk v SSSR [Non-Thesis Degrees: Making Up the Status of Social Sciences in the Soviet Union]. *Bolshevistskaya filosofiya. T. 2* [Bolshevist Philosophy. Vol. 2] (ed. V. Ovcharenko). Available at: <https://sites.google.com/site/bolshevistphilosophy/Home/tom-2/soderzanie/kozlova2> (accessed 20 January 2020).

Kudinov O. (2014) Zarplata professorov dorevolyutsionnoy Rossii (k obsuzhdeniyu kontseptsii Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob obrazovanii) [The Sala-

- ry of Professors Pre-Revolutionary Russia (to Discuss the Concept of the Code of Education)]. *Ekonomika obrazovaniya/Economics of Education*, no 4, pp. 84–85.
- Leykina-Svirskaya V. (1981) *Russkaya intelligentsiya v 1900–1917 gg.* [Russian Intelligentsia in 1900–1917]. Moscow: Mysl.
- Lyublinskaya A. (1941) O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaya kak ucheny [Olga Dobiash-Rozhdestvenskaya as a Scholar]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta. Ser. ist. nauk*, iss. 12, pp. 10–26.
- Nevskaya N. (ed.) (2000) *Letopis Rossiyskoy akademii nauk. T. I. 1724–1802* [The Chronicles of the Russian Academy of Sciences. Vol. I. 1724–1802], St. Petersburg: Nauka.
- Piskunov I. (2014) Pravovoe polozhenie privat-dotsentov rossiyskikh universitetov. 1803–1884 [The Legal Status of Privatdozents in Russian Universities]. *St. Tikhon's University Review II: History. History of the Russian Orthodox Church*, iss. 4 (59), pp. 98–116.
- Pushkareva I. , Pushkareva N. Politicheskaya sostavlyayushchaya v rossiyskom zhenskoy dvizhenii nachala XX v. [The Political Component in Russian Women's Movement of the Early 20th Century]. *Rossiyskaya istoriya* (in print).
- Pushkareva N. (2012) Eshche raz ob ogne mysley i zvukakh golosov pervykh russkikh zhenshchin-istorikov [Once Again, about the Fire of Thoughts and the Sound of Voices of the First Russian Women Historians]. *Lichnoe est istoricheskoe* [Personal is Historical] (ed. A. V. Belova), Tver: TGU, pp. 109–113.
- Pushkareva N. (2012) Zhenshchiny-istoriki v Rossii v 1810–1917 gg. [Women-Historians in Russia in 1810–1917]. *Vestnik of Perm University*, iss. 1 (18), pp. 228–246.
- Shchepkina E. (1914) *Iz istorii zhenskoy lichnosti v Rossii. Lektsii i statyi* [On the History of Female Identity in Russia. Lectures and Articles]. St. Petersburg: B. M. Volf Publishing House.
- Shipilov A. (2003) Zarplata rossiyskogo professora v yego nastoyashchem, proshlom, budushchem [Professor Salaries in Russia: The Past, Present, and Future]. *Alma Mater. Higher School Herald*, no 4, pp. 33–42.
- Tikhonov I. , Semenova E. (2004) Pervaya zhenshchina—prepodavatel Sankt-Peterburgskogo universiteta [The First Female Lecturer at Saint Petersburg University]. *Sankt-Peterburgskiy universitet*, no 6 (March 5), pp. 11–14.
- Vakhromeeva O. (2018) *Prepodavanie nauk na Vysshikh zhenskikh (Bestuzhevskikh) kursakh (1878–1918)* [Teaching Sciences in the Bestuzhev Women's Higher Education Courses (1878–1918)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Valkova O. (2019) *Shturmuya tsitadel nauki. Zhenshchiny-uchenye Rossiyskoy imperii* [Assaulting the Bastion of Science: Female Scholars in the Russian Empire]. Moscow: New Literary Review.
- Vasilyevsky V. (2008) *Lektsii po istorii Srednikh vekov* [Lectures on Medieval History]. St. Petersburg: Aleteyya.
- Verblovskaya M. (2006) Sudba chetyrekh “bestuzhevok” [The Fates and Fortunes of Four Bestuzhev Students]. *Publitsnaya biblioteka i kultura. Tri veka istorii: dokumenty, materialy, issledovaniya. Vyp. 1* [The Public Library and Culture. Three Centuries of History: Documents, Records, and Publications. Iss. 1] (ed. Y. Gollerbakh), St. Petersburg: National Library of Russia, pp. 136–154.
- Yas O. (2018) Vstupna statyya do rozvidki O. Efimenko “Pisma iz khutora. Ob ukrainskoy istorii” (Do 170-richchya O. Efimenko ta 100-littya pershoi publikatsii ii dopisu) [Introductory Article to Aleksandra Yefimenko's Article *Letters from the Farm. On Ukrainian History* (On the Occasion of the 170th Anniversary of Aleksandra Yefimenko and 100th Anniversary of the First Publication of Her Writing)]. *Ukrainian Historical Journal*, no 1, pp. 174–179.